

Евгения Усачева

МЕРТВЫЕ ПРИНЦЫ

18+

Евгения Усачева
Мертвые принцы

«Автор»

2025

Усачева Е.

Мертвые принцы / Е. Усачева — «Автор», 2025

Роман повествует о трагической судьбе комиссара легендарной антифашистской организации «Молодая гвардия» – Викторе Третьякевиче. Герою предстоит столкнуться не только с беспощадным врагом, но и с неожиданным противодействием в рядах созданного им Краснодонского подполья, что приведёт к непредсказуемым последствиям, отголоски которых будут влиять на сознание грядущих поколений на протяжении десятков лет. Обречённым на Бессмертие, Виктору и его товарищам предстоит сделать выбор, который прославит их на века вперёд. Не раздумывая, они уплатят несоизмеримую с силами Человека цену Подвига, навсегда запечатлев свои имена в истории нашей Родины.

© Усачева Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. 01.01.1943	5
Глава 2. 02.01.1943	12
Глава 3. 03.01.1943	18
Глава 4. 04.01.1943	24
Глава 5. 05.01.1943	29
Глава 6. 06.01.1943	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгения Усачева

Мертвые принцы

Глава 1. 01.01.1943

Глаза Соликовского налились кровью, и он с остервенением рыкнул, не добившись желаемого. Он рывком встал, подошёл к шкафу с плётками и прочими приспособлениями для пыток и, пошарив немного руками, выбрал длинную толстую чёрную плеть с железными наконечниками. Она блестела, словно отвратительное тело змеи, и внушала ужас уже одним своим видом.

– Ну, ничего, теперь мы поговорим по-другому, – издевательски оскалившись, бросил он связанному пленнику, скрючившемуся на стуле, и махнул головой в сторону своих помощников.

Прихвостни главного полиция будто того и ждали. С неистовым рвением, будто ручные псы, они бросились исполнять волю хозяина. Схема была отработана, и негласный приказ не мог быть не понят. Конечно, это было не лучшее начало утра 1-го января, но звери в людских обличьях и так давно потеряли счёт времени и самих себя, а их пропитые красные лица говорили сами за себя: что, по-видимому, для их обладателей Новый год наступал каждый вечер.

Комиссара Славина тут же схватили под руки, разорвали на его спине старую хлопковую рубаху и поставили его лицом к стене, продолжая удерживать за руки и ноги.

Хлыст Соликовского хищно разрезал тошнотворный воздух душного кабинета и опустился на спину Виктора. Пленник выгнулся дугой, забился в руках полицаев, но не проронил ни звука, только стиснул зубы покрепче. Ему казалось, будто от одного этого мощного удара вся его кожа слезла со спины и по ней струится липкая алая кровь.

– Молчишь? – прохрипел зверь за спиной. – Ничего, недолго осталось молчать.

Следующий удар был ещё сильнее, так, что Виктор издал еле слышный стон, но тут же подавил в себе желание закричать. Они не должны были видеть его страха плоти. Да, это был именно неосознаваемый инстинктивный страх плоти, потому как дух Виктора ничего не боялся.

Тяжёлая плеть с железными наконечниками будто пробила рёбра и ударила по оголённым лёгким, потому как после ещё нескольких ударов Славин почувствовал, что едва может дышать и ему отчаянно не хватает воздуха, а они всё сыпались и сыпались на его многострадальную спину, на которой, казалось, не осталось живого места. Это был первый день пыток. Неизвестно, сколько бы он мог выдержать ещё. Виктор не знал предела своей прочности: как физической, так и духовной. Но он принял для себя единственную истину – молчание. Молчать до скончания своих дней.

После десятого удара, когда горячая липкая кровь действительно закапала на грязный пол кабинета, сознание Виктора начало затуманиваться, а ноги его подкосились, и он безвольно повис на руках полицаев.

– Держите его! Я ещё не закончил! – прогремел голос Соликовского.

– Тяжёлый, зараза! – с натугой прошипел один из псов – Подтынный и в отместку за свои усилия ударил парня коленом в живот. – А глянешь – дрыщ дрыщом!

– Много тайн в себе носит! – отозвался второй. – Ну мы их быстро из него выьем!

– Цыц! Говорю здесь я, и вопросы здесь задаю тоже я! – не упустил случая построить своих подчинённых Соликовский и замахнулся для нового удара.

Спина пленника, как оголённый провод, находилась под сумасшедшим напряжением, предчувствуя удар. Боль обожгла Виктора словно калёным железом. А после наступило дол-

гожданное забытие. Мозг юноши погружался в спасительную тьму, в которой вспыхивали островки острой боли. Сквозь мрак Славин чувствовал, что удары хлыстом прекратились, его повалили на пол и начали избивать уже ногами.

В камере его стошнило. Кровавая рвота не прекращалась в течение часа, а после, когда силы совсем иссякли, Виктор погрузился в тяжёлый мутный сон без сновидений.

Ему показалось, что вздремнул он лишь на мгновение, и его тут же выдернули на поверхность этой страшной реальности. Грязный сапог Подтынного пнул его под щёку.

– Поднимайся! Свинья! – прогремел безжалостный голос. Полицай нагнулся над пленником, обдавая того отвратительным перегаром и запахом немытого несколько дней тела. – У тебя полминуты.

С большим трудом Виктор поднялся на колени, а затем, опираясь на стену, встал. Всё тело ужасно болело от побоев, но, кажется, переломов не было. Пока не было.

Юношу погнали по уже знакомой дороге к «заветному» кабинету, из которого слышались крики. От них всё оборвалось внутри Виктора, потому как свои страдания он мог вытерпеть без проблем, но страдания своих ребят... Эта пытка была самой мучительной, самой невозможной. Ему велели ждать у двери.

Спустя пару минут из кабинета выволокли избитого, окровавленного Евгения Мошкова, и Виктор кинулся к нему:

– Женя! Женька!

Но его тут же ударили по ногам, а затем втащили в кабинет.

С Евгением они были знакомы всего ничего, но успели так прикипеть друг к другу, будто всю жизнь были лучшими друзьями. С Женей Виктора познакомил Лютиков – член коммунистического подполья, незадолго до того, как Славин пришёл работать в клуб им. Горького. Это было в конце ноября 1942-го года. Евгению тогда исполнилось двадцать два года. Он уже был членом партии. Успел повоевать на фронте. Младший лейтенант Мошков служил стрелком-радистом на самолёте, который был сбит под Миллерово. Евгений выбросился с парашютом, но неудачно: попал в плен, и его отправили в немецкий концентрационный лагерь.

Он не любил рассказывать о заточении, но ясное дело, что условия там были жуткими. Военнопленных избивали и морили голодом. Единственной едой, которую им удавалось достать, была картошка и хлеб, которые приносили женщины – местные жительницы.

Вызволила Евгения его мать – Евдокия Родионовна.

Отыскать Женю среди тысяч военнопленных было нереально, но его мать случайно увидел сквозь ограду из колючей проволоки лейтенант Рубен Джалилов – друг и командир Евгения. Он и сообщил женщине, в каком блоке находится её сын. Однако освободить его оказалось не так просто. Ни охрана, ни комендант не согласились отпустить Мошкова за выкуп.

К счастью, в доме, где на квартире остановилась Евдокия Родионовна, часто бывали повара из лагеря, которые собирали продукты для военнопленных. Мать Жени познакомилась с ними и начала вести переговоры. Ей удалось договориться с поварами, и с их помощью устроить Евгению побег. А чтобы повар смог узнать Женю, при раздаче обеда он должен был громко сказать: «Иван». Всё прошло удачно. Повара надели Евгению белую повязку полиция на рукав, взяли вёдра для еды, и под видом конвоируемых Мошков «повёл» их на квартиру к матери. Там переоделись в гражданскую одежду и отправились в Краснодар.

Первое время Евгений сильно болел из-за истощения и побоев, полученных в лагере, а после, когда немного оправился, включился в партизанскую работу.

Евгений стал связным между «Молодой гвардией» и взрослым коммунистическим подпольем, участвовал в боевых операциях, распространении листовок и диверсиях на шахтах.

Виктор равнялся на Женю, следовал его советам, а позже, когда Евгений узнал комиссара получше, пригласил его поучаствовать в подрыве колонны немецких автомашин, организованной группой коммунистов Баракова и Лютикова. Виктор блестяще справился со своей

задачей, полагая, что после этой операции Мошков начнёт доверять ему ещё больше. Но Женя и так доверял Виктору как самому себе. Доверял подсознательно, будто знал его душу и мысли наизусть. Они сдружились практически мгновенно, и теперь лучшего друга Виктора пытали эти нелюди, а он ничего не мог сделать, никак не мог облегчить участь Жени.

У Славина было много приятелей. Он легко сходился с людьми, умел дружить, умел быть настоящим другом, только у него настоящего друга никогда не было, пока он не нашёл Женю. И почему же всё произошло так несправедливо? Говорят, что большая удача в жизни встретить хотя бы одного настоящего друга, человека, принимающего тебя таким, какой ты есть, ничего не требующего взамен, который всегда, всюду, в любой ситуации за тебя, во всём и перед всеми. Таким человеком был для Виктора Евгений. И вот только судьба послала ему такого друга, как тут же отняла.

Оказалось, что 1-е января ещё не закончилось, а всё продолжалось и продолжалось пытками. Только миновало время обеда, а Виктору казалось, будто он находится в застенках гестапо уже несколько дней.

– Ну что? – прогремел Соликовский. – Память не прорезалась?

Виктор с ненавистью взглянул на жирное животное, отвратительно чавкающее ему в лицо, ему хотелось плюнуть в него, но он сдержал себя, чтобы не злить главного полиция ещё сильнее. Хотя куда уж ещё больше? Этот монстр и так был обзлён в высшей степени и теперь с неистовой жестокостью мстил партизанам за всё: за свои неудачи и никчёмность, за свою пропитую и изуродованную жизнь, за семью, расстрелянную большевиками. Да, теперь он мог отыграться по полной на беззащитных в стенах тюрьмы юношах, которые находились полностью в его власти.

«Молчание» – теперь главная заповедь для Славина – растянулось на вечность.

– Ну, твою память мы поправим! – весело воскликнул Соликовский, опрокидывая внутрь полную рюмку мутного самогона. Он вышел из-за стола и со всей силы ударил Виктора по лицу. Из разбитого носа потекла кровь. Парень согнулся, пытаясь прикрыться связанными руками. Его снова схватили и потащили в «грязную» часть кабинета, где полицаи любили устраивать истязания пленников.

Заскрипели дверцы шкафа с приспособлениями для пыток. Его специально расположили так, чтобы истязаемый мог видеть весь арсенал орудий и чтобы сердце, душа и всё существо его сжималось от осознания неминуемой страшной боли, а разум замирал от неизвестности вида нового мучения.

Рука жирной полициячьеи туши на несколько мгновений зависла над чёрным блестящим хлыстом, которым Виктора истязали утром, а затем, сделав в воздухе издевательский вираж, начала шарить по нижнему ряду висящих адских приспособлений.

Конечно, Виктору было страшно. Но это был страх тела, а не души. Дух его бесстрашно и отстранённо смотрел на окружающую действительность, будто предстоящие страдания тела его вовсе не касались. Дух был выше земного. Дух был настолько стар, умудрён и силен, что мог пережить всё что угодно. И Виктор знал, что действительно сможет это сделать, ведь ему было ради кого терпеть эти жуткие издевательства. На свободе оставались его любимые родители, брат Михаил – член подпольного обкома партии, на которого велась непрерывная охота, и его верные товарищи-молодогвардейцы, которых он сам привлёк в созданную им подпольную антифашистскую организацию, а значит, теперь отвечал за судьбу каждого из них. И троих, включая себя, уже не сберёт! Неоправданное чувство вины затопило его с ног до головы, так, что он не сразу заметил, как кожу его обожгло новыми ударами. Несколько стальных шипов особой плётки впились в основание шеи. Соликовского это разозлило, и он с силой дёрнул

хлыст назад, выдирая мелкие куски плоти. Виктору казалось, что кровь лилась ручьём. «Тем лучше!» – подумал он. Перспектива быстро умереть от потери крови выглядела намного приятнее, чем изнурительные долгие дни пыток.

– Имена! Сволочь! Имена! – рычал Соликовский, а Славин упорно молчал, стиснув зубы от боли. Пот крупными каплями стекал по его лицу, мокрая светлая чёлка прилипла ко лбу. Парень держался из последних сил, даже сам не зная, откуда они брались в его худощавом юном теле. Виктор никогда не считал себя физически могучим, хотя он занимался спортом, но при этом он больше тренировал свой ум, а оказалось, что разум едва не пошёл на поводу у тела, которое жаждало прекратить эти нечеловеческие муки, едва не скомандовал голосу попросить пощады у фашистской нечисти. А это был только первый день. Точнее, половина первого дня. Сколько их ещё будет? И сможет ли он выдержать всё, что уготовлено ему судьбой?

В момент, когда острый металлический шип впился Виктору под ребро и невыносимая боль пронзила тело комиссара, он засомневался в своей стойкости. Хотя совершенно напрасно. У судьбы на Виктора были особые планы.

Виктор пытался сосредоточиться, но мысли его разрывала дикая боль. Разрывала на отдельные слова, а затем на буквы, на молекулы, на бессвязные атомы, которые уже не могли сложиться в то, что зовётся человеческим разумом. Красный туман застилал глаза, сердце бешено билось в груди, не готовое ещё остановиться. Виктор не терял надежды выжить в этом аду.

Плеть всё продолжала проходиться по подсохшим с утра струпьям, сдирая их до крови.

– Имена! Сволочь! Имена! – с дикой злобой ревел Соликовский, и, когда, наконец, его рука устала, он сделал перерыв, подошёл к столу и налил себе ещё одну рюмку самогона. Залпом осушив её, он велел Кулешову принести ему закуски и кусок чёрствого хлеба для пленника.

– А то помрёт ещё, и тогда мы точно ничего от него не добьёмся! Да и... жаль терять такую стойкую игрушку, – добавил он, жутко скалясь, словно маньяк.

Стрелки часов давно перевалили за полдень. Жирная свинья, наевшись до отвала и разогнав застоявшуюся кровь новой порцией чужих мучений, велела увести Виктора в камеру. Парня просто швырнули на холодный каменный пол, а следом за ним с хохотом Кулешова полетел кусок чёрствого хлеба.

Виктор коснулся разбитыми губами еды, понимая, что в следующий раз покормят его очень нескоро. А может случиться и так, что до этого момента его тело само начнёт кормить земляных тварей. Не бывать этому! Не бывать! Комиссар жадно впивался голодными зубами в кусок чёрствого хлеба с неистовым желанием жить, выжить и доказать наглой немецкой нечисти и их прихвостням, что русского человека не сломить ничем: ни войной, ни голодом, ни унижениями, ни пытками!

Мыслей было так много, и все они крутились вокруг разных, но очень дорогих людей. Чтоб не сойти с ума, Виктор старался не терять из памяти главного – того, ради чего и почему он здесь находился. Мысли путались от боли, но он пытался детально восстановить события, предшествовавшие его аресту.

От рубашки пришлось оторвать узкую длинную полоску – подобие бинта, чтобы перевязать нос. Он был, без сомнения, сломан, лёгкие отбиты, так что дышалось Виктору очень тяжело. Но его больше волновало другое. «Как же там Женя, Ваня Земнухов? – с тревогой спрашивал он сам себя. – Как остальные ребята, оставшиеся на свободе? Только бы до них не добрались! А он выдержит! Всё он выдержит, лишь бы спасти их!»

Виктор полудремал, когда Подтынный с диким хохотом ударил чем-то железным по прутьям тюремной решётки. Раздался ужасный лязг.

– Спишь? Вспоминай давай!

А Виктор помнил... Всё помнил. Он цеплялся за свои воспоминания как за спасительную соломинку, помогающую ему выжить в аду. Действительно, время в Чистилище останавливалось либо текло так медленно, что страдания растягивались на вечность.

Вот он в Краснодаре, собирает свой собственный подпольный отряд, который впоследствии становится частью целой организации. Тогда они думали, что им всё по плечу. Да, и это действительно было так, если б не одно предательство. Виктор не хотел о нём думать. Он всегда верил в лучшее в людях, любил их и был способен простить им почти всё, даже предательство. Но не поругание своей земли, не разорение Родины. Нечисти, что посмела ступить на неё, не могло быть прощения. Собственно, то были даже не люди, а, действительно, нечеловеческая напасть.

Пелена боли застилала память, поэтому Виктору было тяжело вспоминать некоторые детали. Но он отчётливо помнил, как вернулся из Куйбышева, где просидел трое суток в ожидании билета до Ташкента, чтобы ехать в эвакуацию, но потом всё-таки так и не поехал. Славин вспоминал грязный многолюдный вокзал, на котором творился хаос. Он сидел у путей и судорожно размышлял, что ему делать дальше. На фронт его не брали по юности лет, а на тот момент будущему юному комиссару «Молодой гвардии» исполнилось лишь семнадцать лет. И сидеть сложа руки в тылу Виктор не собирался. Брат отправил его в Ташкент для партийно-агитационной работы, но душа Славина рвалась из тыла в самое сердце оккупации, в сердце врага, чтобы иметь возможность хотя бы попытаться уничтожить его изнутри. План у него уже был. Не хватало решимости послушаться приказа старшего брата, которого он безмерно любил и уважал. А Михаил любил его в ответ, поэтому и отослал как можно дальше в тыл.

У Виктора было достаточно времени, пока он ждал билеты, чтобы всё обдумать и принять единственное решение, за которое его бы потом не изъела собственная совесть.

В какой-то момент он просто резко встал со страшной ободранной скамьи, на которой сидел, сильнее закутался в пальто и подхватил свой тощий чемодан.

Виктор отправился к кассам, вернее, к одной из них, у которой толпилось довольно мало народу. И понятно почему: там продавали билеты на западное направление. Желающих ехать в сторону наступления немецко-фашистских захватчиков становилось всё меньше.

Виктор отстоял небольшую очередь и, когда, наконец, оказался у маленького квадратного окошка, чётко и ясно произнёс: «Добрый день! Один билет до Ворошиловграда, пожалуйста!»

Тогда ему ещё было невдомёк, что этот билет станет не просто билетом до Ворошиловграда. Он станет билетом в его героическое бессмертие. Но, конечно, ни о чём таком Виктор даже не помышлял, оставаясь скромным, кротким юношей. Он не желал ничего для себя. Он желал лишь сокрушить ненавистного врага, ступившего на его землю. Безвозмездно. Пусть даже его забудут. Пусть. Только бы помочь скинуть жуткое ярмо со своего народа.

Незаметно наступил вечер. Свет из крохотного окна под самым потолком растворился в сгущающихся сумерках, а это значило лишь одно для Виктора: что Соликовский не упустит случая привести его к себе на «ужин» и звуки хлыста, вспарывающего беззащитную кожу, станут острой приправой к его баланде.

Так и произошло. Вечером Соликовский делегировал свои обязанности Подтынному. Виктора подвесили за руки к потолку, на котором имелась специальная железная перекладина с крюком, служившая специально для этих целей. С него содрали ошмётки рубахи, а также сняли брюки, чтобы они не смягчали удары хлыстом. Подтынный с воодушевлением принялся за дело.

– Имена! Мразь! Имена! – подал голос из-за стола главный полицай, уплетая варёную картошку со шкварками.

Подтынный не заморачивался с выбором плети, а взял первую попавшуюся. К несчастью Виктора, она оказалась ничем не легче двух предыдущих. Теперь удары приходились не только на спину, но и ноги, грудь, лицо... Виктор инстинктивно пытался увернуться, но от плети невозможно было спрятать ни одной части своего тела. Теперь Славин мог воочию видеть, что с ним происходит после каждого нанесённого удара этим дьявольским орудием. Грудь, вся в синяках, теперь начала покрываться ещё и кровоподтёками. Гвозди красных гвоздик, расцветающие на его коже, некогда светлой и гладкой, сопровождалась страшной болью, однако Виктор всё ещё молчал.

Подтынный обходил его со всех сторон, чтобы ни одна часть тела не осталась нетронутой хлыстом, однако сила его удара была слабее, чем у Соликовского. Он страшно матерился, оскорблял Виктора и грозился отомстить за партизанство его родным.

Славин мужественно терпел мучения и оскорбления, стараясь абстрагироваться от жуткой обстановки.

Руки затекли, и он их не чувствовал. Всё тело словно стало пушинкой. Разъярённый полицей, так и не добившийся от него ни звука, с психом отбросил плеть.

– Он не заговорит! Это бесполезно! – осмелился заявить своему начальнику Подтынный.

– Что? А ну работай, бездельник, а то окажешься на его месте! – с раздражением взревел Соликовский.

И мучения Виктора продолжились.

Теперь Подтынный придумал подвесить его за ноги к потолку. И в таком положении, вниз головой, Славину предстояло провести неизвестно сколько времени. Его руки свисали безвольными плетями вдоль головы, едва касаясь пола. От долгого висения вниз головой вены на шее Виктора вздулись, а глаза, казалось, налились кровью, голову простреливала боль.

Подтынный избивал его и при этом ещё рычал, словно безмозглый пёс. А вскоре, выбившись из сил, он ударил несчастного пленника сапогом по почкам и свалился на ободранный стул, весь взмокший.

– Пусть эта туша повесит до полуночи. Может, будет толк, – приказал Соликовский.

И потекли длинные мучительные часы нового страдания. Славин пытался не терять сознания, хотя к чему? Кровавый дурман склонял его закрыть веки и погрузиться в тяжёлую ночь без сновидений, полную неизвестности, кошмаров и тревог. Виктор клялся, что не выдаст никого из своих ребят, каким бы зверским пытками его не подвергли. А они? Те, кто оказались вместе с ним в застенках? На них он мог рассчитывать? В них мог быть уверен до конца? Мог. Ведь сам же их привёл в «Молодую гвардию», а значит, знал, какие они на самом деле, и отвечал за них головой.

– Имена! Мразь! Имена! – разрывался Соликовский, подкрепляя свою лютую злобу лошадиными дозами алкоголя.

Виктор висел вниз головой и пытался не терять нить своих размышлений и воспоминаний, помогающих ему справиться с адской болью, а жирная свинья за столом постоянно возвращала его в эту жуткую реальность своими отвратительными возгласами.

– Позови Кулешова, пёс! – обратился он уже к Подтынному. – Где этого сукиного сына носит?!

Полицей бросил истязать Виктора и отправился выполнять новое поручение, оставив пленника висеть на крюке.

«Начало. Нужно мысленно вернуться к началу», – подумал Виктор, но главный полицей не дал ему такой возможности.

Он решил размять кости. Встал, вышел из-за стола, на ходу подтягивая растянувшиеся штаны, и с угрожающим пьяным хихиканьем приблизился к Славину.

– Не хочешь вспоминать? Ну тогда у меня есть идея получше.

И тут же первый удар кулака обрушился на комиссара. Извращенец с пропитыми мозгами решил использовать его тело как боксёрскую грушу. Удары сыпались будто отовсюду и попадали куда угодно: в лицо, в живот, рёбра, пах.

Но хорошо хоть, длилось это недолго. Пьяный дурман всё-таки свалил Соликовского с ног, и он заснул на кушетке, теряя слюни и сопли.

Виктор ещё продолжал висеть вниз головой, когда в кабинет зашли Кулешов с Подтынным. Увидев своего шефа в алкогольной отключке, они не стали его будить, наконец, сняли Славина с крюка и потащили его, находящегося без сознания, в холодную камеру. Так закончился его первый день в Аду.

Ночью Виктор проснулся от невыносимой боли, пронзившей его тело. Он не помнил, как его снимали с крюка в кабинете Соликовского, а значит, он всё-таки потерял сознание. Он попытался перевернуться на другой бок, но тело отказывалось повиноваться. Виктор почувствовал, что у него были сломаны если не все, то половина рёбер. Дышалось очень трудно. Его снова мучила тошнота и рвота. Была бы ещё бессонница, если б тело полностью не обессилело.

Виктора спасала память. Она одна была способна помочь ему выжить в кромешном аду, не потерять себя и исполнить свой долг партизана и коммуниста до конца.

Начало. Нужно вернуться к началу.

Ворошиловград встретил Виктора унынием и предчувствием неизбежной беды. Он помнил, как тогда, сходя с поезда и ступая на перрон, он понял, что, скорее всего, донбасская земля станет его последним пристанищем и ему больше не суждено никогда посетить Ясенки – его родное село, в котором прошло такое далёкое, такое счастливое, волшебное детство. Почему Виктор так думал? Он не мог объяснить.

Его первым командиром стал Яковенко. Виктор вступил в его партизанский отряд без раздумий и с головой ушёл в подпольную работу. Славин хорошо помнил своё первое боевое задание – подрыв моста с целью диверсии, чтобы задержать поставку вражеского вооружения на Сталинградский фронт. Будущий комиссар «Молодой гвардии» никогда не жалел себя. Да, и ему было абсолютно наплевать, останется ли он в живых, или нет. Казалось, инстинкт самосохранения отсутствовал в нём с рождения.

Ему до боли в висках врезалось воспоминание о том мутном хмуром рассвете, когда он, в составе небольшого отряда из пяти человек, отправился подрывать мост. В топком месте, заросшем камышами, было крайне трудно передвигаться. Ноги увязали в иле и тине. Зато камыш надёжно скрывал партизан от взгляда врагов и их прихвостней. Едва светало, когда Виктор со своими боевыми товарищами добрался до опор моста и начал быстро закладывать взрывчатку.

Решили уходить посуху, так как взрыв мог их задеть. Тогда им повезло, и их не заметили.

Оглушительный грохот обрушающегося моста за их спинами раздался совсем скоро, и ослепительная вспышка затмила собою последние звёзды. Это было лишь началом борьбы, и, казалось, с того момента прошла целая вечность, вечность, полная постоянных тревог, усталости и горечи от зла, творящегося вокруг. Виктору хотелось бы отмотать время назад и всё переиграть, сделать так, чтобы всё сложилось иначе, но, видно, иначе было нельзя, и он принял единственное правильное решение, возможное в той дикой ситуации, в которой он оказался.

Первая ночь в застенках гестапо, как и та, о которой он вспоминал, оказалась слишком быстротечна. Не успели утихнуть раны Виктора, физические и моральные, как уже занимался студёный зимний рассвет. А новый день, к сожалению, не мог принести ничего, кроме порции новых страданий.

Глава 2. 02.01.1943

Жирная свинья Соликовский вяло заворочался на кушетке у себя в кабинете, выныривая из недолгого алкогольного забытья. Тут же к нему в кабинет ворвался Захаров и с жаром протараторил:

– Нашли! Нашли их!

– Кого «их»? Доложи, как положено! – недовольно пробубнил начальник, ещё не отошедший ото сна.

– Ну как кого? Левашова и Шепелева, ещё двоих из списка Почепцова!

Соликовский еле припомнил, что два дня тому назад дал приказ разыскать и арестовать их.

– Так веди их сюда! Что стоишь?

Ручной пёс тут же бросился выполнять приказ.

По узкому коридору с буро-коричневыми стенами разносились нечеловеческие крики. Эта пытка с самого утра показалась Виктору самой изощрённой, ведь он прекрасно знал, кого истязали в кабинете Соликовского. Его ребят. Причём так, чтоб он непременно слышал.

К семи утра настал черёд Виктора. Подтынного и Кулешова сменили Захаров и Мельников. Они выволокли несчастного пленника из камеры и погнали на допрос.

– Мы знаем, что ты – комиссар «Молодой гвардии». Мне нужны имена подпольщиков. Быстро! – стараясь придать своему пропитому голосу твёрдость, скомандовал Соликовский.

– Я – не комиссар. Я никого не знаю. Я не знаю, что такое «Молодая гвардия», – устало ответил Виктор.

Палач в ярости ударил кулаком по столу.

– Имена! Тварь! Имена! – с неистовой злобой закричал он. – Они тебя выдали. Все, кого мы арестовали. Ты – комиссар. Ты должен знать всех подпольщиков. Имена!

– Я никого не знаю, – повторил Славин.

Соликовский кивнул своим подчинённым.

Как и в прошлый раз, двое полицаев схватили его под руки и потащили в «грязную» часть кабинета, в которой Виктор обнаружил ещё одну дверь. Она вела в небольшое помещение, предназначавшееся только для пыток.

По центру располагалась каменная печь, растопленная до такого состояния, что в ней можно было плавить металл.

Захаров сорвал с комиссара остатки одежды, чтобы ещё больше унижить его, и при этом бормотал самые грязные оскорбления в его адрес.

Мельников открыл дверцу печи, надел толстые перчатки и принялся чем-то лязгать. Жар опалил его лицо, а в комнате стало невыносимо душно.

– Во! Нашёл! – с энтузиазмом воскликнуло «животное» у печи.

Он достал из-под раскалённых углей такой же раскалённый длинный клинок, остриё которого было малиново-красного цвета, и, хищно оскалившись, почти прошептал в насмешливо-маниакальной манере:

– Посмотрим, как ты теперь запоёшь, птичка. Может, голосок прорежется?

Тело Виктора задрожало при виде нового орудия пытки. Тело, но не дух. Славин безуспешно пытался унять эту дрожь.

– Страшно? Страшно, сука, страшно? – взревел Захаров и, не дожидаясь Мельникова, резко выхватил из его рук страшное орудие и в мгновение ока прислонил его к голой ноге Виктора.

Эта боль поистине была жуткой, раздирающей тело на мельчайшие атомы, затмевающая мысли и даже собственное «я». Виктор не выдержал и закричал, дёрнувшись и упав со стула.

– Что ты творишь? Мы его даже не привязали! – набросился на напарника Мельников, но того уже накрывал дикий нечеловеческий хохот от вида того, как на полу валяется, весь скрючившись от боли, несчастный комиссар. Он обхватил руками обожжённую конечность, кожа которой ещё дымилась, и тихо стонал от боли.

Тут в пыточную пожаловал Соликовский.

– О, вижу, вы уже развели деятельность... Имена! – вновь заорал он, пиная ногой Славина.

Но тот лишь стонал в ответ.

– Смотри! – главный полицай схватил его за волосы, поднося к лицу жуткое орудие. – Выдай имена, иначе я снова тебя поджарю!

– Я. Ничего. Не знаю, – ответил комиссар севшим от боли голосом.

– А вы на что здесь? Держите его, раз не связали! – построил подчинённых Соликовский.

Следующее прикосновение раскалённого металла пришлось на правое предплечье. После него всё поплыло перед глазами у Виктора. Отвратительная морда Соликовского, склонившаяся над ним, размазывалась по холсту этой кошмарной реальности, растекалась, оставляя мерзкий жирный шлейф за собой.

Сквозь забытье Виктор чувствовал, как его куда-то тащили, взяв за неопалённую ногу. Его голая спина ощущала холод пола. И от этого даже становилось легче, потому как она со вчерашнего дня горела пламенем от запёкшейся крови.

Клинок прожёт голень до кости. К обеду, немного придя в себя, Виктор оторвал от своей рубахи ещё две широких полоски, чтобы перевязать руку и ногу. Плохо, что совсем не было крови, ведь шанс умереть от её потери в таком случае сводился к нулю. Оплавленная плоть даже не могла кровоточить. Надежда Виктора, что он выживет в этом аду, пошатнулась. Из коридора снова доносились крики. Их пытали. Его ребят. Так же или легче, а может, ещё изощрённее – оставалось лишь догадываться. Шёл только второй день заточения, а у кого-то – первый. Славин понял, что дальше всё будет только хуже.

До следующего допроса Виктору мало чего удалось вспомнить, а погружение в свою память на ту глубину, где действовало и довольно успешно противостояло фашистской заразе ворошиловградское подполье, придавало ему сил. Оно было последней соломинкой, соединяющей Славина с нормальным миром, а не адом, в котором он оказался, и теперь эта соломинка почти выскользнула из рук. Сумасшедшая физическая и душевная боль растворила её, превратив во что-то непостижимое. Все воспоминания исчезли из головы, все человеческие чувства. Осталась только боль.

«Не жалея себя. Никогда». Ещё одна истина, наряду с молчанием об организации, опустилась на плечи Виктора. Впрочем, если б он ей не следовал, то не оказался бы в фашистских застенках.

Мельников нервно курил самокрутку, когда к нему подошёл Захаров и с вызовом сказал:

– А поработать мы не хотим?

– Слышь, ты мне не начальник! – отозвался полицай в том же духе.

Соликовского вызвали в управление жандармерией, поэтому «пыточный» обед он вынужден был пропустить. В его отсутствие Захаров, как более приближённый к нему подчинённый, не упустил случая построить коллегу.

На улице стоял трескучий мороз. Редкий снег еле укрывал тонким кружевом несчастную голую землю. Беззащитную перед зимней стужей и безжалостным врагом. Но теплилось ещё... Теплилось в самом её сердце слабое сопротивление, которому просто не дали разогреться жестокие продажные люди.

– Я без приказа Соликовского трогать никого не собираюсь и тебе не советую! – сказал Мельников.

– Жаль, а я решил устроить нам небольшое развлечение. Думал, ты меня поддержишь.

К часу дня приехал от немцев Соликовский. Он был мрачен и зол, словно демон. Захарову показалось, что он даже похудел от нервов. Поездки к хозяевам всегда стоили шефу нескольких килограммов, ведь он не знал, вернётся ли назад живым.

– Завтра прибудет подполковник Ренатус, – строго сообщил он. – Он лично займётся Славиним. Ну а пока у нас есть остальные! Что встали? За работу!

Действительно, Виктора в тот день, 2-го января, больше не трогали. Его страшные ожоги ныли так, что ему казалось, что уже никакая пытка не могла затмить собою той боли, которую он переживал.

Сознание мутилось от голода и физических страданий. А ещё крики... Он затыкал уши, чтобы их не слышать. Непрекращающиеся, дикие крики его товарищей разрывали гулкую тишину мутно-болотного коридора с единственной горевшей лампочкой в его середине. А бывало, Виктор и сам кричал, и бил искалеченными руками по прутьям решётки, но в бессилии оседал на пол. Такое же бессилие настигло его, когда раскрыли отряд Яковенко, и Виктор вынужден был уйти в Краснодон, потому как оставаться в Ворошиловграде было небезопасно. Он не помнил уже, откуда тогда брал силы для организации комсомольского подполья в городе. Наверное, лишь нечеловеческая ненависть к врагам держала его на ногах. А к тому времени он уже был опытным бойцом. На войне взрослеют быстро. Катастрофически быстро. В мгновение ока. За дни, недели, месяцы. Виктор и до её начала был не по годам взрослым, а после того, как ему пришлось убивать своими руками, ничего детского и юношеского в нём не осталось. Вскоре из пронзительных сапфировых глаз на мир смотрел уже не юноша, а молодой, искусный в военном деле мужчина, который умел быть безжалостным и жёстким, если придётся. Виктор считал себя кем угодно, только не святым. А на самом деле всё было наоборот.

В результате предательства, как это часто бывало, отряд Яковенко оказался разгромлен. Сам командир погиб, а выжить удалось лишь немногим партизанам – тем, кого накануне Яковенко отослал с заданиями в Ворошиловград. В числе них оказался и Виктор. Несколько сот полицейских на протяжении суток обстреливали лес, где укрывались партизаны, и, к сожалению, уничтожили большую часть из них.

Вернувшись в Краснодон, где до войны он долгое время жил с родителями, Славин взялся за организацию нового отряда. Первыми к нему присоединились его соседи и школьные товарищи, которые уже организовали свои небольшие партизанские группы: Иван Земнухов и Сергей Тюленин. Вспоминая о них в тёмной тюремной камере, Виктор не мог сдержать боли, рвущейся из сердца. В тот момент они, как никогда, ходили по лезвию ножа, и лишь от него и тех, кто оказался вместе с ним в застенках, зависело, уцелеют ли все оставшиеся на свободе подпольщики. Тогда Виктор уже знал, что значительную их часть выдал предатель Почепцов. Славин узнал его почерк в списке подпольщиков-молодогвардейцев, который тот, вероятно, передал в полицию. Комиссару не хотелось в это верить, и он надеялся, что ребята из того списка, который предатель передал полиции, успеют скрыться из города.

И будто прочитав его мысли, одна наглая полицейская рожа вторглась в его размышления. Пьяный Кулешов, подойдя к прутьям решётки, издевательски-насмешливо произнёс:

– Зря стараешься, всех мы отыщем. Никому из вас, крыс, отсидеться не удастся. Слышишь, как голоса? Ха-ха-ха!

Славин кинул на него полный абсолютной ненависти взгляд. Если б им можно было испепелять, то от Кулешова осталась бы лишь крохотная горстка пепла на грязном полу – в общем, то, что он и такие, как он, собою представляли.

– Это вы не отсидитесь. Скоро придёт Красная Армия, и...

– Скоро? Ха-ха-ха! Красной Армии давно нет! Продолжай и дальше играть в никому не нужное геройство! – жестоко сказал Кулешов и сплюнул.

– Подонок... – прошептал Виктор ему вслед.

Он чувствовал себя отвратительно. Уже к вечеру 2-го января его раны начали воспаляться из-за попавшей туда инфекции. Оно и неудивительно: сколько уже раз его нагишом тащили по грязному полу в камеру, да и орудия пыток не могли похвастаться стерильностью.

«Как бы не началась гангрена», – опасался комиссар, но ещё больше он боялся за своих товарищей, которых полицаи подвергали таким же изощрённым пыткам.

Виктору удалось немного вздремнуть, но примерно к одиннадцати часам ночи его снова разбудили утихшие ненадолго, а затем возобновившиеся крики. Он вздрогнул, весь в жаре и поте, поднялся с холодного пола и подошёл к решётке.

Вскоре мимо него протащили по коридору, небрежно держа за ногу, избитого до неузнаваемости и окровавленного Сергея Левашова. Виктор даже ничего не смог сказать от шока. Его голос пропал, и он не мог разжать будто обледеневшие от ужаса челюсти.

Рука Серёжи безвольно болталась, оставляя на полу длинный кровавый след от обрубков пальцев. Парень потерял сознание от болевого шока и не видел своего комиссара, намертво припавшего к прутьям решётки. Это зрелище стало пыткой, самой безжалостной, по сравнению с тем, что он пережил за последние пару дней.

Славин был атеистом, но из последних сил молил бы всех на свете богов, чтобы всё происходящее оказалось сном.

Он без сил повалился на пол. Изуродованная рука Серёжи всё ещё стояла у него перед глазами. Виктор считал себя виновным. Он был виновен в том, что не уберёт. Виновен в том, что косвенно заставил своих ребят проходить через этот ад, а остальных метаться на «воле» в попытках спрятаться от палачей. Комиссар решил, что все пытки, что выпадут на его долю, будут заслуженными. Моральные страдания его достигли своего пика в ту ночь, на третье января. Сон не шёл, а боль от ран растекалась по телу раскалённым свинцом.

Всё началось с клятвы. Её, как молитву «Отче наш», он бормотал тогда в бреду, мечась на каменном полу грязной камеры. С клятвы-молитвы, написанной им лично, началось Краснодонское подполье, не склонившее голову перед врагом, не павшее на колени ни перед захватчиками, ни перед их прихвостнями. Вновь приходящие, милые парни и девушки, давали эту клятву, и Виктор мог быть уверен в каждом из них, что они не нарушат её.

«Я, Третьякевич Виктор Иосифович, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем, хранить в глубочайшей тайне всё, что касается моей работы в «Молодой гвардии». Я клянусь мстить беспощадно за сожжённые, разорённые города и сёла, за кровь наших людей, за мученическую смерть 30 шахтёров-героев. И если для этой мести потребуются моя жизнь, я отдам её без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками ли, или из-за трусости, то пусть моё имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»¹

Свою деятельность «Молодая гвардия» начала с написания листовок. Подпольщики агитировали людей не ехать в Германию, где их бы ждало унижительное положение рабов, призывали игнорировать принудительные работы, на которые немцы сгоняли горожан, вредить оккупантам всем, чем только можно, и не верить геббельсовской пропаганде. Листовки стали единственным глотком воздуха во время накинута на шею многострадального русского народа удавки. Листовки переписывали от руки в доме Славина, а затем разбрасывали в городе. Позже ребятам во главе с Жорой Арутюнянцем удалось собрать печатный станок, запчасти для которого они нашли на месте разгромленной редакции газеты «Социалистическая Родина». Подпольную типографию организовали прямо в доме Георгия, и с того момента юные партизаны больше не беспокоились о том, что их смогут вычислить по почерку. Несчастные голодные люди расхватывали листовки, словно еду, ведь они давали надежду, поддерживали их веру в победу – то, что как никогда нужно было им в этот тёмный час истории.

Двоюродный брат Сергея – Василий Левашов, радист и хороший друг Виктора вместе с Володей Осьмухиным, до войны увлекавшимся электротехникой, и ещё несколькими ребятами собрали радио, и теперь подпольщики могли слушать Москву и передавать остальным горожанам достоверные военные сводки. Деятельность партизан постепенно вгоняла оккупантов в ярость. Им было плевать на повешенных в парке двух полицаяв из числа местных, которые участвовали в расправе над тридцатью шахтёрами-героями, отказавшимися работать на немцев и восстанавливать шахту, чтобы на фронт и в Германию пошёл донбасский уголь. Но когда был ограблен, а затем взорван склад с боеприпасами, подполковник Ренатус не на шутку забеспокоился и дал приказ перевернуть всё в городе и его окрестностях, но найти подпольщиков. Соликовский и его ручные псы с радостью принялись за работу.

Полыхало тогда в небе, словно во время артобстрела. Разработал операцию и распределил обязанности Иван Туркенич – боевой командир «Молодой гвардии», офицер-красноармеец, бежавший из немецкого плена, в который он попал под Сталинградом. Иван тоже, как и Виктор, не был коренным краснодонцем. Он переехал из Воронежской области на рудник Сорокино, ставший впоследствии городом Краснодоном, вместе с родителями в восьмилетнем возрасте. Когда началась война, Ване шёл двадцать второй год и он уже был кадровым офицером, а для повышения квалификации его направили на курсы боевых командиров, а затем сразу на фронт. Под Сталинградом, во время тяжелейших боёв, он получил ранение, и, когда был дан приказ выходить из окружения, он пошёл один. Из-за кровопотери и голода его организм совсем обессилел. Иван потерял сознание, а очнулся уже в немецком плену. Но пробыл он в нём только шесть дней. Когда военнопленных перегоняли на новое место, ему удалось сбежать. Еле-еле он дошёл до Краснодона и остановился у родных, чтобы поправиться и окрепнуть, а затем он планировал перейти линию фронта. Но и в это время он не собирался сидеть сложа руки и вышел на след подпольной организации. Общие знакомые свели его с Виктором, и Иван сразу же был принят в «Молодую гвардию». Друзьями они с Туркеничем так и не стали, и теперь Славин об этом очень жалел, вина себя за упущенное время. Но они делали общее дело и сражались плечом к плечу за будущее их общей Родины. Разве не это скрепляло их сильнее крови и дружеских уз? Однако то, что произошло накануне ареста Славина, заставляло задуматься, доверяли ли они друг другу когда-нибудь на самом деле. Комиссар не хотел

¹ Оригинальный текст клятвы молодогвардейцев, написанный комиссаром организации – Виктором Третьякевичем (Славиным).

об этом думать, но бессонная ночь, полная боли и тревог, к сожалению, подсовывала лишь негативные воспоминания. Она была длинной, как никогда.

Глава 3. 03.01.1943

Тощая рука в кожаной перчатке с силой надавила на ручку двери, и худое, словно у Кощея, тело выскользнуло из машины.

Приехал хозяин в сопровождении двух адъютантов. Псы, виляя хвостом, побежали его встречать. Больше всех усердствовал Соликовский. Если б он ещё знал немецкий, отбиться от его льстивых восхвалений было бы совершенно невозможно.

– Приведите Славина! – тут же с порога отдал приказ Ренатус и отправился сразу в пыточную.

Его голый череп блестел в свете пылающего в печи огня, а старое морщинистое лицо было похоже на маску демона. Он, весь затянутый в кожу, казалось, даже не чувствовал жара раскалённых углей, а только расстегнул одну-единственную пуговицу на сером плаще и медленно закурил.

Когда привели Виктора, злыдень с интересом взглянул на него прищуренным взглядом цепких глаз.

– Так вот ты какой... Комиссар, – произнёс он на чистом русском языке.

– Я не комиссар, – отозвался Славин, хотя дал себе слово не разговаривать с фашистским отродьем.

Ладно, полицаи, «свои» в какой-то степени, но эти чужаки, пробудившие в них монстров, не заслуживали ответов.

Ренатус плотоядно усмехнулся, давясь сигаретным дымом.

– Краснодонское подполье меня больше не интересует. Мы всё равно вас всех достанем. Список у нас на руках. Где твой брат Михаил? Где члены его отряда? Кто из членов подпольного обкома остался в Ворошиловграде?

Виктор молчал, с ненавистью глядя на оккупанта.

– Знаешь, за что меня любят мои подчинённые и моё начальство? – похвалился подполковник, не сводя своего хищного взгляда с пленника. – За моё терпение. Я жутко терпелив. Я добьюсь от тебя всего, что мне надо.

В пыточной стало слишком много народу, слишком много испытующих на одного Виктора. Соликовский велел Мельникову, Захарову и Подтынному выйти из помещения. Снаружи охраняли вход двое отморозков-адъютантов подполковника. Один из них отвесил шуточную оплеуху полицаям. Шавки побежали врассыпную и растворились где-то в сырых коридорах отделения жандармерии. Долго её стены не сотрясали крики. Стояла мёртвая тишина. С монотонной холодной расчётливостью, лишённый эмоций, подполковник Ренатус чётко и методично вёл допрос. Вернее, он будто разговаривал сам с собой, потому как Славин на все вопросы отвечал молчанием.

Допрос длился пять часов. Ренатус психологически давил на арестанта, надеясь выбить из него показания. Расспрашивал о семье, друзьях, соседях и так как Виктор молчал, сам же и отвечал на эти вопросы, делая предположения, пытаясь таким образом разговорить комиссара.

Но ничего не помогало. Неужели «наивный» Ренатус думал, что он просто "поговорит" и негибемый комиссар краснодонского подполья раскроет все карты? Нет, вероятно, он испытывал моральное наслаждение от таких беспыточных допросов, часами держа жертву в психологическом напряжении. Но время его терпения подходило к концу, как бы он им не хвалился.

К концу пятого часа допросов нацистский палач выкурил двадцатую сигарету и велел Соликовскому «решить проблему».

Они вдвоём с Кулешовым подвесили Виктора на крюк и начали бить плетями. Двойная доза ударов воспринималась намного больнее, хотя, бывает, боль достигает такого предела, когда увеличивать её бесполезно: дальше тело просто не воспринимает возрастающую интенсивность болевых ощущений. И это был как раз тот случай. Подполковнику что-то не нравилось. Он без энтузиазма смотрел на избивание комиссара, не веря в успех своего дела. Когда ему это надоело, он встал и вышел из-за стола.

– Разве так «решают проблему», жирная свинья?! – выругался Ренатус по-немецки и, подойдя к полицая, порывисто выхватил у него кожаный кнут.

Кулешов тоже попятился, не зная, что ему делать.

– Вот так надо!

И тут же удар адской плети опустился на лицо Виктора.

– По лицу! По лицу его! – закричал фашист, и даже не звериная, а какая-то инопланетная ярость исказила его черты, и он, в самом деле, походил уже на демона, а не на живого человека.

Плеть с вшитой в неё тонкой железной проволокой рассекала плоть, словно масло, разбивая губы, нос, веки, испестрив кровавой сеткой щёки и порвав мочки ушей. Виктор изо всех сил зажмурился, но глазам всё равно было больно. После побоев он уже с трудом мог открыть их. Его шея оказалась вся испещрена глубокими порезами, из которых хлестала кровь. Комиссар не проронил ни звука. Он молчал, когда его спрашивали о ворошиловградском подполье, молчал, когда убивали его красоту, молчал о себе самом и тех, кто был ему дорог... Палачи могли пытаться его сколько и как угодно, они бы всё равно ничего не добились и не уничтожили бы красоты его непокорённого духа.

К концу допроса Виктор оказался избит весь: от темени до кончиков пальцев ног. Ни один сантиметр его тела не обошла стороной плеть во власти жестокого маньяка-чужака. И Славин знал: это был не предел. Большой разум Ренатуса мог подвергнуть его каким угодно истязаниям, ибо фантазия его в этом направлении была безгранична.

Так и не добившись от Виктора показаний, к семи вечера его сняли с крюка и потащили в камеру, а на его место отправился Женья Мошков.

Нечеловеческие крики вновь разрезали проклятый воздух жандармерии. Славин слышал их, находясь на самом краю угасающего сознания. Его кровь остановилась, а ему так бы хотелось, чтоб она вытекла вся. Но нельзя... Нельзя... Если бы погиб комиссар, какой бы смысл был сопротивляться допросам остальным ребятам? Пока был жив Виктор, в них ещё теплилась надежда выбраться из этого ада живыми.

Виктор очнулся от удара по голове. Сверху на него выжидающе смотрел Подтынный и мерзко улыбался.

– Давно пора ужинать... К-комиссар! – небрежно бросил он. – Встал!

Славин попробовал опереться на локти, но руки прострелила сильная боль. Он продолжил лежать на полу.

– Встать, я сказал! – заорал Подтынный и ударил его ногой в грудь, но на это не последовало никакой реакции.

– Ублюдок! – выругался полицай.

Ему пришлось тащить Славина за ногу в комнату для допросов.

Стрелки часов показывали полдесятого вечера.

– Поздний у вас ужин, герр оберштурмбанфюрер! – сказал он без опаски.

– Свободен!

В комнату для допросов вошли двое эсэсовцев – адъютантов Ренатуса.

Один из них нёс увесистый мешок. Когда он бросил ношу на пол, его содержимое зазвенело. Славин понял, что там находились «очень важные» инструменты для допросов.

По приказу Ренатуса его адъютант вывалил содержимое мешка перед комиссаром. Там было всё: и щипцы разных размеров, и клещи с изогнутыми концами, и иглы различной длины, и прочие неизвестные Виктору приспособления. Он видел странные раздвоенные крюки с шипами, длинные зажимы с отверстиями, скрученные в несколько колец пруты. На всё это «богатство» Ренатус смотрел с нескрываемой улыбкой и гордостью, желая вызвать ужас в глазах комиссара, но Славин смотрел на фашистских палачей прямым нечитаемым взглядом, так, что подполковник пошатнулся в своей уверенности сломать его.

– Смелый такой, да? Посмотрим, каким смелым ты будешь, когда я буду пробовать всё это на тебе.

Ренатус встал со своего места и начал копать в куче смертоносного металлолома. Вскоре он извлёк увесистый топор со страшными зубринами на лезвии.

– Впечатляет?

Славин плюнул фашисту под ноги и тут же получил мощную пощёчину.

– Ух, собака! – воскликнул подполковник вдруг с сильным акцентом.

Он повожился ещё, извлекая из кучи своего «добра» длинные острые щипцы, и кинул их в печь.

Двое подручных этого монстра намертво привязали Виктора к стулу, оставляя свободной одну руку.

Стул был специально привинчен к полу, чтобы несчастный пленник не опрокинул его в агонии.

То, что с ним намеревались сделать палачи, не укладывалось в человеческом восприятии. Сама природа противилась такому ходу вещей, не только антилюдских, вообще, антивселенских. Такого быть не могло. Нигде. Никогда. И всё же это было. Это происходило на Земле. Богом забытой, обделённой планете, где не действовали никакие божественные законы.

Виктор уже знал, что такое прикосновение раскалённого металла, и всё равно мысленно он оказался не готов к тому, что ему предстояло. Один из адъютантов Ренатуса – Отто Шен заломил ему свободную правую руку и достал из печи раскалённые щипцы.

Славин инстинктивно сжал ладонь в кулак. Немыслимый ужас затопил его сердце. Он закрыл глаза, чтобы не видеть того кошмара, который собирались сделать с его телом нацистские палачи.

Тело трепетало, но не дух. Дух принял это страшное бремя. Дух откуда-то знал, что тело сможет всё выдержать.

– Играешь в геройство? Всё равно мы скажем, что это ты всех выдал. Ты станешь предателем для своих товарищей, своих родителей, всех краснодонцев. Ты станешь предателем Родины. И никто не заступится за тебя. Твоё имя будет навеки овеяно позором, а ты и твои родные будут прокляты. Твоё место займёт самозванец, и всё, что ты сделал, вся твоя борьба будет напрасной.

Эти страшные слова Ренатуса уже ни на что бы не повлияли. Виктор был твёрд и спокоен, как никогда.

Подполковник еле заметно кивнул своему адъютанту, и спустя несколько секунд кожа Виктора задымилась. Палач начал с указательного пальца правой руки. Буквально выворачивал его из сустава раскалёнными щипцами с заострёнными концами. Выломал. Уничтожил человеческую плоть, оставив окровавленный обрубок. И тут же прижёг его железным жаром, чтобы пленник не истёк кровью. Виктор кричал. И впервые пожелал своим палачам: «Будьте вы прокляты!»

А Ренатус и его прихвостни уже давно были прокляты. Они родились такими. Моральными и духовными уродами. Дальше проваливаться в проклятье было уже некуда.

– Где твой брат Михаил? Кто из Ворошиловградского подполья остался в городе? – монотонно произнёс Эрнст-Эмиль Ренатус.

– Пошёл к чёрту! – сорвавшись от дикой боли на истерический крик, воскликнул Славин.

И тут та же участь постигла соседний палец. С нечеловеческой силой фашистский палач выкорчевал его, будто сорняк. Крупные капли пота скатывались по полузажившим струпьям. Вся спина и бока горели огнём, а внутри было холодно, словно в ледяном аду викингов, внутри он ощущал себя уже мертвецом.

– Где комиссар Ворошиловградского подполья Михаил Третьякевич?

– Будь ты проклят!

И вновь безразличный кивок Ренатуса.

Подостывшие щипцы уже не так сильно жгли кожу, но наготове в печи накалялись клещи, которые были гораздо более эффективным инструментом для выдиранья человеческих конечностей.

Отто Шен отбросил щипцы в сторону и достал более устрашающее оружие. Чтобы не обжечься, он брал рукоять клещей толстыми перчатками. Один момент, и их стальные губы сжались на безымянном пальце Виктора, а комиссар уже практически терял сознание. И на его краю ему, уже замученному жуткими пытками, привиделось, будто палец ему откусывал кошмарный многоликий монстр, отвратительная липкая чешуя которого сплошь была покрыта светящимися свастиками. Но Виктор так и не смог понять, произошло ли это наяву, или пришло к нему.

Уже очутившись в камере, он ощупал рану и обнаружил, что пальцев отсутствовало три: указательного – две фаланги, средний – полностью, а безымянный – больше, чем на две трети.

Измученное тремя сутками невыносимых пыток тело желало лишь одного – смерти, но дух, будто вовсе с ним не связанный, жаждал жить. Неистово, страстно, непокорно он жаждал дожить до того момента, когда захватчики родной земли получат по заслугам.

В бреду Виктору казалось, что здание жандармерии горит, что горит его камера и огонь обступает тело плотным кольцом, а его жгучие языки уже касаются голых пяток.

В видении здание полыхало так же, как биржа труда, которую подожгли его ребята.

Бесстрашные Сергей Тюленин, Люба Шевцова и Витя Лукьянченко блестяще провели ту диверсию, благодаря которой им удалось спасти от угона в Германию на принудительные работы более двух с половиной тысяч юношей и девушек.

Прежде они несколько дней посещали биржу, чтобы выяснить расположение кабинетов и где именно находятся шкафы с документами завербованных.

Ночью Сергей выдал стёкла на окне под чердаком. Незаметно молодогвардейцы пробрались в здание биржи труда под прикрытием Вани Земнухова и Васи Левашова. Они разбросали заранее подготовленные бутылки с зажигательной смесью, а также облили горючим полы и двери кабинетов. Перед тем как покинуть биржу, Серёжа Тюленин бросил подожжённый свёрток на пол, и огонь быстро распространился по всему помещению. Спустя несколько минут здание биржи вспыхнуло как спичка.

Соликовский тогда соврал майору Зонсу, что в здании биржи замкнуло проводку. Он отлично знал, что пожар – дело рук «народных мстителей», однако, сколько бы ни пытался, не мог выйти на их след. К тому времени нацистское руководство уже много недель требовало от него результата, но партизаны были неуловимыми. Расширение штата полицаев не привело к поимке ни одного из них. Нескольких карателей подпольщики повесили, ещё троим перерезали ночью горло. Дошло до того, что предатели боялись патрулировать по ночам улицы, и вместо двух-трёх начали сбиваться в стаи, в стаи злых безмозглых псов, готовых лизать сапог хозяина, который в любую минуту может их пнуть.

Однако ребята считали, что делали недостаточно. Но другие не делали и этого. Виктор гордился каждым членом своей организации. Самому младшему было 14 лет, а самым стар-

шим был командир – Иван Туркенич. Ему скоро должно было исполниться 23 года. Виктор переживал за него не меньше, чем за младших товарищей, у которых практически не было боевого опыта. За ним особенно охотилось гестапо.

– Слышишь, чего пригорюнился? – раздался насмешливо-издевательский голос Кулешова. – Вон ещё твоих повязали. Веселей тебе будет! Ха-ха-ха!

Виктор из последних сил вскочил на ноги и припал к прутьям решётки.

– Что ты сказал, мразь? Моих повязали? Так знай же: Красная Армия наступает, и скоро тебя и таких, как ты, всех повесят! И неважно, что мы уже этого не увидим. Увидят другие. Им будет что рассказать потомкам.

– О... О тебе расскажут многое... Предатель. Я лично буду клеветать на тебя, и мне поверят. Механизм уже запущен. Скоро от тебя отрекутся все, кто тебя знал.

«Все, кто тебя знал... Все, кто знал...» – прозвучало зловещим эхом в темноте полуночного коридора. Кулешов чувствовал себя победителем.

Окровавленное, израненное тело Виктора просило лишь одного: покоя, а его беспокойный дух метался, будто зверь, запертый в клетке. Кого же арестовали? Выдержат ли они испытания? И как их спасти? Вряд ли им уже могло помочь молчание Виктора. Те, кто попадали в руки гестапо, уже не выходили живыми обратно. Славин надеялся лишь на то, что их, как рядовых членов организации, не будут подвергать особо жестоким пыткам.

Ночью сонного замученного комиссара вновь повели на допрос. В прокуренной комнате, едва освещённой низко висящей над столом лампой, сидели трое сильно избитых ребят: Ваня Земнухов, Вася Пирожок и Женя Мошков.

Когда завели Виктора, взгляды их напряглись. Они не должны были ничем выдавать, что знакомы между собой, но внешний вид Виктора никого не мог оставить равнодушным. За три дня пыток монстры изуродовали его почти до неузнаваемости.

– Ну что? Узнаёшь? – заносчиво спросила жирная свинья Соликовский, которому не спалось в этот поздний час.

Виктор отрицательно покачал головой.

– Странно! А ведь это же ты их выдал!

Жестокое осознание кольнуло сердце. Славин сидел напротив них, всеми силами пытаясь понять, поверили ли они полициям, или нет, знают ли, что он не предавал? Он пытался мысленно достучаться до них, своих таких родных ребят, ставших ему за месяцы ожесточённой борьбы братьями. И кажется, они верили, они верили ему.

– Я не знаю, кто они, – сказал Виктор.

Ужас, читавшийся в светлых глазах Вани Земнухова, его дорогого друга детства, его соседа и неизменного единомышленника в борьбе против фашистских захватчиков, был неопишем. Иван был с ним с самого начала, и каково же теперь было видеть ему, в кого превратили нацистские изуверы его энергичного, деятельного комиссара, который находил выход из самых непростых ситуаций и вдохновлял своим примером всех вокруг.

– А вы? Знаете его? – обратился Соликовский к арестантам.

Все как один покачали головой.

– Хорошо! – весело сказал он. – Память, она такая – штука изменчивая. Бывает, преподносит сюрпризы от боли.

И засмеялся своим мерзким издевательским смехом, погладив толстую рукоять плётки, что висела на его широком поясе.

– Что ж... Если никто никого не знает – не смею вас больше задерживать!

Его хорошему настроению ничего не могло помешать. И бить пленников он не стал лишь потому, что предвкушал хорошенько выспаться после нескольких нервных деньков. Ренатус со свитой укатил в кабаре до самого утра, а значит, ничего не мешало Соликовскому использовать своё личное время, как ему заблагорассудится.

Виктор вернулся в свою холодную окровавленную камеру и, как ни пытался, не смог сдержать слёз.

Глава 4. 04.01.1943

Эрнст-Эмиль, всегда считавший себя непьющим человеком, никогда бы не признал, что в ту ночь перебрал лишнего. День выдался особо нервным, поэтому он решил ни в чём себе не отказывать. А с утра... С утра его, вкупе с жёстким похмельем, ждало досадное разочарование, ведь эта свинья Соликовский не только не выполнил наказанную ему работу по выбиванию показаний из подпольщиков, но и не потрудился подготовить идеологическую почву для окончательного разгрома «Молодой гвардии» – до сих пор ещё не распространил слух о том, что передал список членов организации гестапо комиссар Виктор Славин.

– Безобразие!

Ренатус готов был лично выпороть этого жирного русского дурака на глазах его же подчинённых.

– Приведите Славина! – взревел он в дикой злобе.

У него жутко болела голова, и он срывался на всех подряд, в том числе даже на своего любимчика-адъютанта лейтенанта Веннера.

Вернувшийся помощник сообщил, что Славин, скорее всего, находится при смерти.

– Что? Когда вы в последний раз его кормили? – требовательно спросил он Соликовского.

Свинья не могла ответить ничего вразумительного, мыкаясь рылом то вправо, то влево и озираясь на своих подручных: Кулешова и Подтынного.

– Всё ясно. Накормите, а потом на допрос. Мне нужна информация, и, если он умрёт от голода прежде, чем я её получу, отвечать будете вы! – пригрозил он полициям.

Смерть от пыток он не рассматривал. Ренатус мог вовремя остановиться: довести жертву до пика физических страданий, до полушага от смерти, а затем отступить, продлевая мучения на недели, месяцы...

Его растолкали и вручили ему миску с какой-то бурдой. Безвкусная похлёбка из мёрзлой капусты и кусок чёрствого хлеба – вот всё, что досталось замученному истощённому комиссару. Он отказывался от еды, но Соликовский с налитыми от ярости кровью глазами заверил его, что если он не поест, то первыми на допрос пойдут Земнухов и Мошков.

Виктору пришлось, преодолевая дикую тошноту, съесть пару ложек отвратительного варева. Как бы он хотел выплеснуть его в рожу зарвавшейся свинье! И почему, собственно, он не мог этого сделать? Что ему теперь было терять? И всё-таки сделать это ему не позволяло воспитание.

В пыточной его снова ожидал Ренатус и его адъютанты.

– Вы довольны трапезой, комиссар? Значит, мы можем приступить к работе.

Эта монотонная, изнуряющая, машинная, тупая настойчивость, бесчеловечность, чёрствость, рутинность несколько не утомляла начальника жандармерии. Напротив, подполковник испытывал не только тела, но и нервы своих жертв на прочность, надеясь сломить их в этой моральной мясорубке.

– Где ваш брат Михаил? Как давно вы его видели? Кто сейчас возглавляет Ворошиловградское подполье?

– Я ничего не знаю. Брата я не видел с начала войны.

Лейтенант Веннер наотмашь ударил комиссара в челюсть, выбив несколько зубов, которые вместе с кровью тут же оказались на полу.

– Ещё есть варианты? Подумайте, Виктор. Подумайте хорошо.

– Я ничего не знаю о Ворошиловградском подполье.

– Как же не знаете, если вы были там связным?

– Я не был связным. Мне ничего не известно.

Ренатус в ярости ударил кулаком по столу. Вывести его из хрупкого душевного равновесия было очень легко.

– Как же мне надоело тебя пытаться! – в сердцах воскликнул он, а на улице стояло лишь четвёртое января.

Отто Шен и лейтенант Веннер схватили комиссара под руки и повесили на крюк.

– Снимайте! Бить бесполезно! – приказал Ренатус.

Они сняли изувеченное тело и снова привязали к стулу, а это значило лишь одно: продолжение вчерашней пытки. Но её Ренатус очень не хотел использовать, потому как опасался, что пленник потеряет слишком много крови и умрёт, так и не поделившись нужной информацией. А она ой как была нужна. Генерал полиции бригаденфюрер СС Деринг уже требовал от него отчёт по Ворошиловградскому подполью. Ничего другого не оставалось, как пытаться. Пытать самыми изощрёнными способами. Его адъютанты не хотели делать эту грязную работу, постоянно отлынивали и отпрашивались, ссылаясь на неотложные личные дела. И своего любимчика Веннера Ренатус всё-таки освободил, а на его место Соликовский пригнал Подтынного.

– По-видимому, придётся приказать доставить сюда костолом, – сказал Ренатус будто самому себе.

Зазвенели жуткие орудия в мешке, и тело Виктора задрожало перед неизбежным.

«Одним пальцем меньше, одним больше – какая разница?» – мысленно подбадривал он себя.

Дух в те минуты жил отдельно от тела. Духу не было дела до страданий физической оболочки. В дух, в душу Виктор не верил, однако независимо от веры она была у него такой сильной.

– Отто, – обратился Ренатус к подчинённому по-немецки, – возьми что-нибудь потяжелее.

Чем-то потяжелее стал топор с зазубринами. Немец кинул его в печь.

Ренатус тяжело вздохнул.

– Итак. Последний шанс. Где ваш брат?

Виктор ничего не ответил, и тогда Отто Шен на пару с Подтынным приложили левую руку Славина к столу и одним точным ударом раскалённого топора отсекли четыре пальца. А почему именно раскалённым? Чтобы сразу прижечь рану и остановить кровотечение.

Славин потерял сознание от болевого шока. Он даже не понял, в какой момент его плоть отделилась от тела, а от созерцания валяющихся на полу его собственных окровавленных пальцев его замутило. Безвкусная похлёбка из мёрзлой капусты готова была вот-вот вырваться наружу.

– Где ваш брат, Славин? – повторял Ренатус.

– Иди к дьяволу! – еле шевелил губами истерзанный комиссар.

Подполковник с психу опрокинул стул.

– Рубите руку! – заорал он. – Хотя нет, подождите. Руку мы оставим на «ужин». Пусть подумает над своим поведением.

Виктора вернули в камеру. Теперь даже его дух уже не хотел жить и не верил ни во что. Потерял надежду. Но не потерял любовь. Любовь к родным, к друзьям, оставшимся на свободе, любовь к людям и любимой Родине.

Пусть делают с ним что хотят. Пусть отрубят руки и ноги, лишат зрения, осязания и слуха – он ни за что не сдастся.

Ему приснился Михаил и покойный Яковенко. Они что-то говорили, но Виктор не мог понять их слов. А потом он увидел своё отражение в зеркале, только глаза у него почему-то были мутными-мутными, а радужек и зрачков не было видно вовсе.

Впервые за долгое время Виктор проснулся сам, никто его не будил, и сразу же стена боли обрушилась на его худенькое измождённое тело. Покалеченные руки горели огнём. Он

вспомнил обещание Ренатуса оставить его левую руку на «ужин», и жуткий холод прошёлся по его телу от этого античеловечного дикого обещания, сметающего на своём пути все остатки разума, всё, что даёт обществу звание цивилизованного, ведь они, «продвинутые» немцы XX-го века, представители нации, породившей множество гениальных поэтов, писателей, композиторов, философов, в тот момент вели себя хуже дикарей в джунглях.

Виктор уже не боялся этого особенного «ужина». На улице стемнело, а за ним всё не приходило. От сумасшедшей боли он не мог думать, и его прошлая жизнь до заточения теперь казалась далёкой-далёкой, прожитой будто не им. Словно не было Ворошиловградского подполья и «Молодой гвардии», не было их дерзких вылазок и покушений на врага, не было успеха, не было друзей, любви – не было ничего...

Ключи в замочной скважине противно заскрежетали, и в отсыревшую грязную камеру зашли Подтынный и Мельников.

– Сегодня тебе повезло, комиссар, – сказал полицей, – Ренатуса вызвали в Ворошиловград к генералу, а значит... Значит, ты – в нашем полном распоряжении! – и дико захохотал.

Виктора повели на допрос.

В кабинете, за столом, уплетая картошку с варениками и запивая их мутно-зелёным самогонном, сидел Соликовский. Двери пыточной были открыты, и оттуда валил жар.

Взгляд жирной свиньи устремился на культы пленника, замотанные самодельными бинтами из рубашки.

– Хорошо они с тобой поработали! – одобрительно сказал Соликовский. – Ну а мы поработаем ещё лучше! Да, мои верные псы!? Как учил оберштурмбанфюрер... По лицу его! По лицу! За работу, орлы! – весело взревел он в алкогольном угаре.

Подтынный и Мельников, такие же пьяные, схватили Виктора и начали избивать, стараясь, чтобы плети проходились по лицу.

Кровь брызгала во все стороны, алые капли заляпали даже лицо Соликовского, и он с раздражением утирался куском грязной салфетки.

– Поаккуратнее тут! – прикрикнул он на подчинённых, а они разошлись не на шутку.

Жуткие резиново-металлические плети безжалостно стирали все человеческие черты, даже не просто убивали красоту, а убивали всякое напоминание о нормальном людском лице, превращая пленника в «монстра». У Виктора были сломаны скулы, челюсти, нос, темя. Глаза он уже не мог открыть, потому как заплывшие опухшие веки не открывались. А чудовища всё били и били его, и, когда он уже перестал подавать признаки жизни, их звериная ярость иссякла.

– Идиоты! – вдруг спохватился Соликовский. – Тупое отродье! Вы что, меры не знаете? Убьёте его – все перед Ренатусом отвечать будем! На виселицу захотели?

Он вылил на Виктора ведро ледяной воды, и парень еле-еле зашевелился.

– Тащите его в камеру! И отдайте ему передачку, которую его мамаша принесла!

Насквозь продрогший и израненный, Виктор неподвижно лежал на холодном полу, когда Подтынный снова с ненавистью открыл решётку и что-то бросил ему, словно собаке.

– На вот, тебе мамаша передала!

Мама... Мама... Это далёкое слово кольнуло осознанием, что он не один, что его ещё помнят, любят и ждут где-то... По-видимому, теперь уже напрасно. Виктор вспомнил улыбочивые лица родителей, крепкие объятия старшего брата Миши, и на сердце его будто растёкся расплавленный свинец. Он почти на ощупь коснулся вещей, что кинул на пол Подтынный. Это были чистые штаны и рубашка, а ещё свежий хлеб, завернутый в ткань, и маленькая баночка с цинковой мазью. Он её просил пару дней назад, а теперь уже вряд ли б она справилась с такими страшными увечьями, что нанесли ему палачи.

Комиссара держали отдельно от остальных, чтобы беспрепятственно клеветать на него арестованным подпольщикам с целью их деморализации. Но никто из них даже не думал верить в эту чудовищную ложь, выдуманную полицией.

Вид Славина произвёл глубокое впечатление на Ваню Земнухова. Сначала, вернувшись с того допроса, он долго молчал, а затем его как прорвало. Он рассказывал всем, кто находился вместе с ним в камере, что сделали с Виктором нацистские палачи. Девушки не могли сдерживать слёз. Парни сжимали кулаки с неистовым желанием отомстить за своего комиссара, да только их самих тоже жестоко избивали, ломали им руки и ноги и требовали ответов на вопросы, на которые нельзя было отвечать.

За тьмой всегда наступает рассвет, за болью – радость, за горем – счастье. Но это в нормальном мире, а не в том перевернутом, который принесли нацистские извращенцы на чужую землю. То, что они творили, не подлежало прощению, у их преступлений не было и не будет никогда срока давности. Заразу нужно выкорчёвывать под ноль, чтобы её губительная поросль никогда не возродила ужас, что та когда-то посеяла.

Облака плыли так низко, что казалось, будто до них можно дотронуться рукой. Голая степная местность, промытая ноябрьскими дождями, не предполагала места для укрытия. Бесконечные луга и поля обрамляли тонкие перелески для защиты пахотной земли от выдувания. И прятаться в них было не очень удобно.

В тот день казалось, будто облака плыли в метрах двадцати от верхушек деревьев, белых акций, источающих дивный аромат весной, а теперь, в хмурую пьяную осень, словно омертвевших.

Виктор в десятый раз проверил сохранность взрывчатки. Он нервничал, хоть внешне и оставался спокойным. Операция не должна была сорваться: Туркенич всё просчитал, а на его боевую хватку комиссар ни разу не жаловался.

Закладывая взрывчатку на дороге возле железнодорожного моста, партизаны рассчитывали подорвать немецкую машину, а у убитых забрать оружие и боеприпасы. Полдня они провели в засаде, а когда вдалеке показался объект, все одновременно и обрадовались, и напряглись перед осуществлением сложного дела.

Жаль, то не был автомобиль Ренатуса – их будущего палача, хотя, даже если б он погиб, на его место прислали бы нового монстра.

Машина блеснула крылом в свете пробившегося на миг солнца, и это будто был знак свыше. Она как раз приблизилась к месту, где Виктор с ребятами заложил взрывчатку. Внезапно, даже раньше, чем планировали, раздался оглушительный взрыв. Место заволкло пылью и дымом. Когда Славин поднял голову, то увидел из своего укрытия, что в развороченном автомобиле кто-то шевелится. Он хотел встать и немедля отправиться туда, но Туркенич подал знак оставаться на местах, а сам осторожно пополз к автомобилю. Трое немцев были мертвы, а четвёртый, с развороченным боком, из которого вываливались окровавленные внутренности, мучился на земле. Иван добил его точным выстрелом в висок, хотя со спокойной совестью мог бы ничего не делать, и пусть бы эта чужеродная падаль агонизировала дальше. Но... Такими уж были благородные офицеры русской советской армии, да и вообще, все русские люди. Не могли спокойно смотреть на чужие страдания, даже на страдания своих врагов.

Забрав оружие и боеприпасы, ребята откатали машину и столкнули её вместе с трупами в небольшой ставок неподалёку. К счастью, он оказался довольно глубоким, и автомобиль полностью ушёл на дно. Когда крышу его скрыла буро-синяя гладь воды, все вздохнули с облегчением. Теперь предстояло незамеченными добраться до схрона в лесу и спрятать оружие...

Это всё будто было не с ним. Вовсе не с ним, а с каким-то другим Виктором Славиним, которого он похоронил глубоко внутри. А прошло всего четыре дня в аду. Виктор смотрел на свои покалеченные руки, которые, даже если б он выбрался, никогда бы уже не смогли взять оружие, а значит, продолжить борьбу. Тогда зачем ему было цепляться за эту никчёмную жизнь, если он больше не мог приносить пользы? Эти мысли... Они брались не просто так. Они брались не от увечий и побоев. Так действовал враг. Виктора морально ломали. И почти сломали. Нетронутой осталась лишь последняя стена, последняя истина – «молчание». Она бы не рухнула ни при каких обстоятельствах.

Глава 5. 05.01.1943

Если кто-то считал, что нацисты были наследниками крестоносцев, которые совершили грандиозный крестовый поход против большевизма, то они сильно ошибались. Если эти омерзительные монстры и были чьими-то наследниками, то как раз средневековых инквизиторов и палачей, ненавидевших всё живое. А наследниками крестоносцев как раз таки были советские воины, защищавшие свою веру – веру в светлые коммунистические идеалы, веру в Родину, веру в Человека и Человечность.

Как можно было считать иначе, если «цивилизованные» немцы двадцатого столетия не погнушались ничем: даже использованием средневековых методов пыток на своих допросах.

Поездка в Ворошиловград принесла свои плоды. Ренатус получил взбучку от генерала и решил «пуститьсь во все тяжкие». С помощью знакомых он раздобыл костолом, называемый ещё коленодробилкой, и с гордостью повёз его в Краснодон, полностью уверенный в том, что теперь уж точно развяжет Славину язык.

Ему так не терпелось опробовать «обновку», что он заставлял водителя гнать машину на полной скорости, хотя всегда ездил с осторожностью. Они домчали до Краснодона за тридцать минут, успев до темноты, и, естественно, монстр, сидящий в Ренатусе и жаждущий чужой крови, не стал откладывать экзекуцию на потом. От осуществления новой пытки его не остановил даже поход в кабаре, куда он был приглашён на день рождения майора Зонса. Ренатус решил благополучно его пропустить. Вечер и так обещал быть «весёлым».

Виктор думал, что на следующий день его будут пытать с утра до ночи, но ни утром, ни в обед его никто так и не тронул, и, лишь когда за окном начало смеркаться, он услышал звон ключей в замочной скважине.

Захаров и Мельников молча, без своих обычных едких замечаний, схватили его под руки и потащили в кабинет к палачам.

Подручные Ренатуса уже всё подготовили, распаковали новое приобретение и установили в пыточной, и теперь, словно сытые псы, ухмылялись, предвкушая зрелища.

На двух мощных металлических штырях с резьбами крепились две перекладки с длинными железными шипами с внутренней стороны. Винты, расположенные на штырях, регулировались. Таким образом, когда их закручивали слишком сильно, шипы впивались в мясо, мгновенно пробивая мягкие ткани, кости и суставы. Коленодробилку можно было использовать не в полную мощь, а лишь до появления ран в мышцах и трещин в костях. Ренатус, распалённый жаждой крови и безнаказанностью, решил задействовать весь потенциал адского орудия не столько для того, чтоб выбить показания из комиссара, сколько ради своего извращённого удовольствия.

Виктора усадили на привинченный к полу стул, привязали к нему, а левую ногу вставили в костолом между рядами металлических шипов.

– Где ваш брат Михаил?

Славин молчал, безразлично глядя на свою ногу, будто в тот момент она принадлежала не ему.

Поворот винта. Кончики шипов лишь вспороли кожу. Липкая алая кровь закапала на пол. Комиссар даже не вздрогнул, спокойно принимая всё, что ему предстоит.

– Кто из членов Ворошиловградского подполья остался в городе?

Молчание. Поворот винта. Шипы вошли глубоко в мясо. Виктор дёрнулся в путах.

– Больно? Больно, сука? Теперь ты нам всё расскажешь! – не удержавшись, взвизгнул Подтынный. Веннер шикнул на него.

– Хорошо. О Ворошиловграде ты говорить не хочешь. Поговорим о Краснодоне. Имена членов Краснодонского подполья! Быстро! Кто ещё у вас остался?! Говори!

– Пошёл к чёрту! – отозвался Славин, и в ту же секунду шипы вошли ещё глубже. Раздался треск. Это затрещали кости Виктора. Он не сдержался, закричал и не узнал своего голоса. Палачи почувствовали удовлетворение. Комиссар пообещал себе, что, как бы ему ни было больно, впредь он не доставит им такого удовольствия.

Боль была страшной, жуткой, разрывающей в клочья не только тело, но и душу. Виктору казалось, что он больше никогда не сможет ходить, ведь безжалостные шипы пробили колено насквозь. Он дёргался в верёвках, туго опутывающих его тело, уже не отдавая отчёта в своих действиях, но его дух был твёрд: молчать до конца.

Костолом можно было использовать не только для коленных суставов, но и для голеностопных, плечевых и локтевых – словом, способы применения этого страшного орудия ограничивались лишь фантазией палачей, а уж у Ренатуса и его подручных она была безгранична.

В глубине души Виктор надеялся истечь кровью прежде, чем наступит рассвет, но его тело оказалось сильнее и против его воли изо всех сил боролось за жизнь.

По приказу подполковника, Мельников туго перевязал покалеченную ногу Виктора грязной тряпкой, и затем пленника бросили в камеру.

– Я с тобой ещё не закончил, – напомнил Ренатус и взглянул на коленодробилку, когда комиссара вытаскивали в коридор. Его тело оставляло кровавые разводы на грязном полу, который не мылся неделями.

Терпеть боль круглыми сутками, без продыху, без перерыва, и наяву, и во сне было невыносимо. Виктору уже не помогали воспоминания, да они будто растворились в истерзанном страданиями разуме.

Красная пелена застилала глаза. Ему чудились развевающиеся красные флаги, которые, рискуя своей жизнью, водрузили на самые высокие здания в городе молодогвардейцы. К седьмому ноября группа Серёжи Тюленина получила приказ из штаба водрузить флаг на здание школы №4 им. Ворошилова. И ребята блестяще справились со своей задачей.

В ночь накануне праздника Сергей взобрался по тонкой скрипучей лестнице на крышу школы. Его сопровождали Радий Юркин и Стёпа Сафонов со взрывчаткой. Его лучший друг – Лёня Дадышев встал у слухового окна, чтобы следить за улицей.

За считанные минуты полотно флага было прикреплено к трубе, а следом установлена взрывчатка с табличкой «заминировано».

Утром взбесившиеся полицаи бросились на чердак, но ничего не смогли сделать, ибо рисковали подорваться на минах. Им пришлось ждать немецких сапёров, а всё это время советское знамя гордо реяло в воздухе, даря людям надежду.

Также Уле Громовой и Анатолию Попову удалось укрепить флаг на копре шахты №1 бис, а группе Коли Сумского – на копре шахты №12.

Успешно проведённая диверсия привела немцев в бессильное бешенство, однако и в тот раз подпольщикам удалось уйти незамеченными.

Флаги, листовки, подрывы немецких машин давали людям надежду, давали понять, что они не одни, что есть сопротивление в сердце врага, а значит, ещё ничего не кончено и борьба продолжается. Любая победа не окончательна, любое поражение не фатально, важно лишь мужество продолжить. И они продолжали несмотря ни на что. Отважные парни и девушки, которым претила сама мысль о том, чтобы кто-то чужой хозяйничал на их земле, не то что служить им, как это с радостью делали продажные псы-полицаи.

Резиново-железный кнут ударил по прутьям решётки. За ней стоял Кулешов и, по-маньячьи скалясь, окликал комиссара.

– Эй, не спать, выродок! Тебя ожидает господин оберштурмбанфюрер! Встать!

Но Виктор подняться уже не мог, пусть бы избивали его до смерти.

Зазвенели ключи, а ужасный кнут со свистом рассёк сырой воздух.

– Не можешь встать – тогда ползи! – рявкнул Кулешов.

Комиссар не сдвинулся с места.

– Ползи, я сказал! – разъярился Кулешов, и тут же тяжёлая резиновая плеть с металлическим наконечником ударила Славина по лицу. Но он уже ничего не почувствовал. Боль отдалась эхом на дне сознания, уже ничего особо не меняя.

– А ну отставить! Кулешов! Мать твою! Ты его убьёшь, а мне отвечать?! – неожиданно «заступился» подошедший Соликовский. Не из жалости, а лишь потому, что ему была дорога собственная шкура. – Иди кошмарь остальных! Четыре камеры от партизан ломаются!

– Он не шевелится!

– Тогда тащи его! Что стоишь? Ай, ладно, давай вместе!

От жирной свиньи было мало толку, она только путалась под ногами. Кулешов сам дотащил комиссара до пыточной, и, словно мешок, бросил у ног Ренатуса, а сам пошёл истязать остальных. Он просто заходил в любую камеру и начинал сечь резиново-металлической плетью кого попало: парней, девушек без разбору. Бил и по лицу, и по спине, голове, ногам. Обессиленные от голода и пыток, они не могли ни отбиться от него, ни увернуться от ударов жуткого кнута.

Ваня Земнухов, весь окровавленный и избитый, слышал душераздирающие крики комиссара, когда ему ломали второе колено. По лицу Ивана против воли текли слёзы, и обжигающий чёрный кнут уже казался не столь жестокой платой за молчание.

– Я вам, суки, я вам покажу! – орал Кулешов, распалённый злобой, размахивая кнутом.

И когда кто-то из парней кинулся на него, желая сбить его с ног, он со всего размаху ударил несчастного ногой по голове. Пленник потерял сознание.

– Ух, суки! Благодарите своего комиссара за то, что вы здесь! Это он вас сдал! – нагло клеветал Кулешов.

– Это неправда! Неправда! Хватит врать! – раздался девичий голос из глубины камеры.

– А ну молчать! Я вас...

И из камеры снова донеслись крики и шелестящие звуки ударов.

Их борьба ещё продолжалась... Любое поражение не фатально... Важно лишь мужество продолжить...

Около двенадцати часов ночи Виктор пришёл в себя в своей камере. Он больше не мог пошевелить ногами, а покалеченные руки горели огнём. Он лежал на полу не двигаясь, и ему было уже всё равно, сойдёт ли он с ума, или останется в трезвом рассудке. Он больше не надеялся на свою память, которая не раз спасала его от помешательства, но она внезапно заговорила сама, подсовывая ему навязчивые картины из прошлого.

Он видел ярко полыхающую степь под тёмным осенним небом. Но этот пожар не был бедствием.

Одной тёплой сухой октябрьской ночью группа молодоговардейцев под руководством Ульяны Громовой ушла в степь возле села Шевырёвка и подожгла скирды немолоченого хлеба, подготовленные для отправки на склады немецкой армии, а также для вывоза в Германию. Благодаря блестяще проведённой операции этот ценный ресурс не достался врагу, а русские люди выжили б как-то без него. Пусть и сами впроголодь, но главное, замучить и заморить голодом врага, осмелившегося топтать родную землю.

Поджигатели так и не были найдены, и после этой акции у взбешённых оккупантов не осталось сомнений, что в городе действует профессиональная серьёзная подпольная организация, которую нужно остановить немедленно.

Виктор скрывался умело и фантастически проворачивал антифашистские диверсии прямо под носом у немцев.

Ещё будучи комсоргом школы, Славин организовал струнный оркестр, где был дирижёром. Во время оккупации ему пришлось вспомнить подзабытые навыки, потому как Евгений Мошков, назначенный директором клуба им. Горького, выдвинул идею, что неплохо бы было снова собрать оркестр и под предлогом репетиций иметь возможность собираться всем подпольем в клубе, и обсуждать свои дела. Так партизаны отвели бы от себя подозрения. Его идея была единогласно принята. И Виктору пришлось, преодолевая себя, играть оккупантам, улыбаться им, кланяться, приветствовать их только ради того, чтоб иметь возможность всадить нож им в спину поглубже и при этом остаться незамеченным. Не такая уж и высокая цена. Но долго кривить душой он не смог, да ему и не пришлось. По неосторожности члены клуба всё-таки попались. Прокололись на элементарном. Но их нельзя было винить. Основу организации составляли необстрелянные птенцы, неопытные 16-18-летние дети, которых война заставила повзрослеть слишком быстро. В помещении для репетиций обнаружили обёртки от конфет из разграбленной немецкой машины. И сразу же подозрение пало на оркестрантов. Так был арестован руководитель оркестра, администратор клуба – Иван Земнухов и его директор – Евгений Мошков. А потом ещё появился Почепцов со своим списком... И начались тотальные аресты. Но было ещё кое-что... То, о чём Виктор отказывался вспоминать. То, что жгло его душу не слабее калёного железа, то, что было хуже самой изощрённой пытки, то, чего он понять не мог, сколько бы усилий ни прилагал. От этого воспоминания его ограждала собственная память, потому как он, как бы ни старался, не мог вспомнить событий, которые произошли перед самым его арестом. Дело, конечно, было вовсе не в обёртках от конфет. Это слишком мелко, а немцы всегда играли по-крупному. Дело было в нём самом. Всегда.

Глава 6. 06.01.1943

Шестого января у Эрнста-Эмиля Ренатуса окончательно сдали нервы. От горя он надрался в хлам, а затем, долго оскорбляя и строя своих подчинённых, велел притащить в пыточную комиссара Славина и «вытрясти из него душу».

«Проклятые русские морозы! – всё бормотал подполковник. – Я больше не могу здесь находиться! Они лишают меня возможности нормально работать! И ещё партизаны... Их здесь – как собак нерезаных. Даст бог, я их всех прикончу!»

Использование костолома больше не приносило ему удовольствия. Изошрённые пытки стали обыденностью. Его больше ничего не цепляло остротой ощущений. Он не жаждал хлеба и зрелищ. Реальным был выговор от генерала Деринга, который он мог снова получить, не добившись от Славина показаний.

Уже почти неделю несломленный комиссар томился в застенках гестапо, а толку было – ноль. На него ничего не действовало, хоть жги его живьём. Ренатус был взбешён этим обстоятельством. Он тщетно пытался понять, где ошибся, не понимая главного: что он пришёл на чужую землю и пришёл как захватчик, а не освободитель, которым он себя возомнил, опьянённый геббельсовской пропагандой. В этом и была вся загвоздка. Но Ренатус, в силу ограниченности своих мыслей, как и большинство его коллег, никак не мог этого уяснить и списывал свои неудачи на тупость местного населения.

На правой руке Виктора, и так покалеченной, Ренатус приказал использовать костолом. Шипы пробили локоть за один поворот винта, принося комиссару невыносимую боль. Потоки крови, казалось, уже заливали и кабинет Соликовского, в котором расположился подполковник, и пыточную, и коридор, и камеру. Их никто не смывал. Кровь разлагалась, отчего запах в помещениях жандармерии стоял отвратительный. Но оберштурмбанфюррера, как бывшего фронтовика и по совместительству палача, ничего не смущало. Он не затыкал уши от душевраздирающих криков, не приказал даже прибраться в кабинете после того, как поскользнулся на крови вчерашних детей и чуть не грохнулся на пол.

«Интересно, если б ситуация была зеркальной, смогли бы русские такое сотворить в каком-нибудь маленьком немецком городке?» – думал Виктор в момент, когда адское приспособление безжалостно ломало его кости. Сустав не выдержал, и послышался треск, сопровождаемый морем крови.

«Нет... Мы ведь люди и людьми остаёмся всегда, даже на войне, в какие бы нечеловеческие условия нас не поставила судьба, а они – нет...»

– Где ваш брат Михаил?

Одни и те же вопросы по кругу могли взбесить кого угодно, даже Виктора с его безграничным терпением и ангельской душой.

– Не знаю я! Не знаю! Понятно? Пошёл ты к чёрту! Будь ты проклят, выродец фашистский! Будь проклят ты и весь твой народ! – закричал Славин и обмяк на стуле.

Ренатус, словно невменяемый, продолжал спрашивать его о Ворошиловградском подполье, о «Молодой гвардии» и о пропавших немцах, машину с которыми подпольщики столкнули в ставок.

Виктор молчал, глядя в потолок. Его правая рука безвольно висела вдоль тела, как плеть. Пошевелить ею он больше не мог.

И тут подполковника накрыл псих. Он взревел, будто дикий зверь, сорвал с окна заляпанную кровью занавеску, опрокинул стол и наотмашь ударил Кулешова, разбив ему нос из досады, будто он был виновен в том, что им не удаётся расколоть Славина.

– Казнить всех! Казнить! Они теперь бесполезны! – заорал фашист и, будто ужаленный, вылетел из кабинета.

Официального приказа о казни в тот день он так и не дал, так что пленённые молодогвардейцы остались дожидаться своей участи ещё на неопределённый срок.

Минула неделя с момента заточения комиссара. Он изменился не только физически, но и, как ему казалось, духовно. Он больше не узнавал себя, а времени на размышления у него было предостаточно. Мало кто смог бы остаться прежним, пройдя через такие дикие испытания. Когда боль постепенно замещает твоё «я», нет иного пути. Ты становишься этой болью, и вся твоя суть заключается в ней. Ты теряешь не только тело. Тело – мелкая потеря. Ты теряешь своё имя, фамилию, свой род, свои неповторимые мысли. Ты будто стираешься из реальности. Ты погружаешься в неведомые реки забвения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.